

И.П. Щерблыкина, «Становление романтического идеала в лирике Пушкина» А.А. Смирнова и других.

На протяжении многих лет Станислав Борисович оставался и продолжает быть нашим ориентиром как педагог и ученый. Это поистине великий человек, встреча с которым для каждого из нас – большое счастье. Многие из выпускников нашего факультета бережно хранят конспекты лекций Станислава Борисовича, а мы, его ученики, работающие на кафедре истории русской литературы сегодня, ощущаем его присутствие, любовь и поддержку, стараясь оправдать надежды любимого Учителя.

Мы ждем Вашей новой книги, дорогой Станислав Борисович, и желаем Вам здоро-

вья, бодрости, душевного тепла и внимания, счастья и творческих находок!

1. Прокудин С.Б. О народности в русской классической литературе // Роль художественной литературы в становлении личности школьника. Тамбов, 1996. С. 12-13.
2. Прокудин С.Б. Пушкин и религия (К вопросу о народности романа «Евгений Онегин»). Тамбов, 1995. С. 5.
3. Эмерсон К. Татьяна // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 1996. Вып. 3-4. С. 37.
4. Прокудин С.Б. «Евгений Онегин» неисчерпаем... (Ответ американскому профессору Кэрл Эмерсон) // Там же. С. 50.
5. Эмерсон К. Открытое письмо С.Б. Прокудину // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 1997. Вып. 4. С. 70.

С.Б. ПРОКУДИНУ – «ДАНЬ СЕРДЦА...»

Л.В. Полякова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы ТГУ им. Г.Р. Державина:

«Идите обязательно к заведующему кафедрой Прокудину, расскажите ему подробно о себе», – напутствовал меня после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации мой университетский учитель профессор Н.И. Кравцов. Благо, моего учителя в Тамбове хорошо знали и любили. Позже много раз с С.Б. Прокудиным и другими преподавателями кафедры литературы Тамбовского государственного педагогического института (ТГПИ) мы вспоминали детали наших встреч и бесед с этим удивительным человеком, который волею судьбы стал Учителем и для меня, и для С.Б. Прокудина: Станислав Борисович учился искусству руководить кафедральным коллективом, бесспорно, у Н.И. Кравцова.

Вот эта, так сказать, наша единая нравственная и профессиональная школа способствовала тому, что мы с С.Б. Прокудиным, начиная с первых дней моей работы в ТГПИ, с ноября 1973 года, очень легко срабатывались и понимали друг друга (хотя и сейчас помню, как однажды, всего однажды за почти 30 лет нашей совместной работы, я «про-

явила характер», отказала заведующему кафедрой срочно прочитать курс лекций по введению в литературоведение вместо неожиданно отправленного на ФПК доцента А.А. Сухарева: считала, что не имею права выходить в студенческую аудиторию с плохо освоенным сложнейшим материалом).

Из общения с С.Б. Прокудиным особенно запомнились два, на мой взгляд, значительных эпизода. Первый, когда я, приехав в Тамбов для работы на кафедре, была приглашена домой к Прокудиным. С огромным арбузом, еле поднявшись на верхний этаж, отдышавшись, с естественным волнением я нажала на кнопку звонка. И – сразу пропали волнение и страх: передо мной стоял очень приятный мужчина и хохотал. Он все удивлялся, как это я, такая худенькая, «закатила» десятикилограммовый арбуз на четвертый этаж старой постройки дома.

Потом было значительное событие: в 1996 году я и С.Б. Прокудин готовили диалог о пушкинской Татьяне с известным американским славистом К. Эмерсон. Когда я предложила работу К. Эмерсон «Татьяна» С.Б. Прокудину с намерением получить для публикации на страницах «Вестника Тамбовского университета» ответ тамбовского пуш-

киниста, он, переполненный возмущением, напрочь отверг это предложение. Считал лично себя оскорбленным трактовками американского исследователя. И все же мне удалось испытать удовольствие от состоявшейся полемики. Она была опубликована в трех номерах «Вестника...», получила хорошую прессу и радовала спокойной уверенностью С.Б. Прокудина в своей правоте. Уравновешенный стиль, систематизированная аргументация, тончайшее чувство русской Татьяны резко отличали материалы нашего пушкиниста. Он знал, что Пушкин писал не просто о женском характере, а о **русском** женском характере, который, конечно же, плохо знала и чувствовала К. Эмерсон. В этой полемике, во многом неожиданно ставшей своеобразным итогом в многолетней работе С.Б. Прокудина над пушкинской проблематикой, – весь он, с **его** знанием автора «Евгения Онегина», с **его** способностью понимать и передавать другим неиссякаемое очарование русского гения.

Когда Станислав Борисович ушел с кафедры, для меня, заведующего кафедрой, будто бы отвалилась глыба, которая на протяжении почти пятнадцати лет была нравственной и профессиональной опорой. Мне казалось всегда, так думаю и сейчас, что только он (да простят меня мои коллеги) очень хорошо понимал меня, ценил и оберегал. Слава Богу, что нить еще крепка».

Ю.Э. Михеев, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой журналистики ТГУ им. Г.Р. Державина:

«61-я. Я всегда относился к ней с благоговением. И сейчас, проходя мимо нее, вспоминаю те благословенные времена, когда впервые появился в ней и занял одно из мест на дальней «Камчатке». «Камчатка» располагалась за последним столом у самой стены. Лучшее место, как и положено по старшинству, занял Славка Сучков. Я, по своему молодому нахальству, присоседился рядом с ним, а дальше – Сережка Воякин и Рыковский Вадик.

Помню и других – кто где сидел: гениальная Зоя Краснова и старательная отличница Нина Комарова в среднем ряду, возле самой преподавательской кафедры; Лида Додонова – в том же среднем ряду, только много дальше от преподавателя: скромность не позволяла ей высовываться вперед.

Разумеется, речь идет о нашей знаменитой единой тогда 61-ой аудитории. Это теперь она раскромсана на кусочки, разбита на маленькие кабинетики, а тогда она была для нас малой духовной родиной, и ее олицетворением были Николай Иванович Кравцов, Борис Николаевич Двинянинов, Леонид Григорьевич Яковлев, Станислав Борисович Прокудин.

Какие они были разные и по-разному интересные!

По-человечески ближе мне всегда был Станислав Борисович. Первое, что бросалось в глаза – удивительный артистизм, подкрепленный чарующей красоты голосом. Как сейчас слышу – Станислав Борисович читает стихи Блока, и даже слышу какие:

Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив...

Артистизм, разумеется, – строго выверенный, дисциплинированный и дисциплинирующий. Но эта строгость и выверенность были настолько эмоционально насыщены, расцвечены такими нюансами, что никакой речи о скуке и быть не могло. Один жест – указательный палец сливается в укусе с большим – и перед нами младенческое неразумие Бестужева-Марлинского и Рылеева, пренебрегающих творчеством Жуковского: зубки выросли, видите ли. Или другой момент: мимолетный анализ одного из эпизодов горьковского цикла «На Руси». Палуба речного парохода. Спящая женщина – грудь наружу – и пьяный мужик, хвастающийся этим женским достоинством. Станислав Борисович что делает? – широко расставив свою ладонь, как бы обнимая ею эту российскую необъятность, вслед за мужиком произносит знаменитую фразу: «Всю Расею прокормим!». И поневоле веришь, бывало, что прокормит, вынесет, не подведет.

И смотрелось это отнюдь не грубо, не натуралистично, но картинно и убедительно.

Помогал удивительный духовный аристократизм Станислава Борисовича, то, что так сближает его с любимым им Пушкиным. И душевная открытость. Поэтому к нему всегда так льнули студенты. Разъяснить ли что, уточнить ли – за всем этим шли к Станиславу Борисовичу. Аристократизм перетекал в демократизм, когда стиралась иерархическая грань между проректором по учебной работе и студентом-четверокурсником. Разумеется, речь раньше всего и прежде всего шла о ли-

тературе. Но и о футболе. Спорили преимущественно о шансах «Спартак» и ЦСКА. Спорили на виду у всех – на парадной лестнице. И младший здесь впитывал бездну сведений, ему по возрасту недоступных. Почему, например, сборная Венгрии в первой половине пятидесятых годов сильнейшая в мире (Грошич, Карпати, Божик, Шандор, Кочиш, Хидегкути, Пушкеш, Цибор), ни разу не выиграла у сборной СССР. И в этих околофутбольных баталиях, не считайте за преувеличение, Станислав Борисович был просветителем – и учителем: учил понимать прекрасное. В тамбовском «Спартаке» тогда подобрались интересные игроки. Болельщическое внимание прежде всего было приковано к линии атаки: быстрый Квасов, хитроумный Беликов, мощный, неудержимый Батин, заводной Пригорко. Станислав Борисович сказал мне тогда: «Обратите внимание на десятку – на Переверзева: скромно играет, неброско, но как умно, талантливо – интеллигентно». А я в простоте своей еще долго не мог этого заметить, пока не увидел игру Федора Черенкова и не вспомнил слова Станислава Борисовича об интеллигентности: талант прежде всего заключается в созидании.

И так во всем: Станислав Борисович Прокудин по духу своему Просветитель. Ему важно и интересно донести до каждого, с кем он встречался, основное содержание, выявить его суть в доступной и изящной форме. Это дано далеко не каждому. Самые выдающиеся ученые были беспомощными, как только оказывались на ниве просвещения. Такое под силу только Учителю.

Станислав Борисович Прокудин и есть Учитель в лучшем и в самом благородном смысле этого слова.

Низкий поклон Вам, Учитель!»

О.С. Завадская, учитель русского языка и литературы средней школы № 19 г. Тамбова, Заслуженный учитель Российской Федерации:

«Для учителей-словесников города Станислав Борисович Прокудин – образец подлинного ученого-литературоведа, настоящего преподавателя словесности, прекрасно владеющего предметом, любящего свое дело и преданного литературе как искусству слова. Его лекции для учителей по творчеству Пушкина, Лермонтова, Баратынского были подлинным праздником поэзии, они учили

нас глубоко вникать в смысл поэтического слова, любить его и уметь так же эмоционально, как сам Станислав Борисович, передавать его ученикам.

После таких встреч мы уходили окрыленные, полные желания привить своим ученикам такую же любовь к русской поэзии, какая характерна для Станислава Борисовича.

Мы всегда поражались энциклопедичности знаний Станислава Борисовича, его требовательности к себе, порядочности в отношении к своим коллегам, студентам и нам, учителям».

Н.Н. Архангельская, доцент кафедры истории русской литературы, и.о. декана факультета довузовской подготовки ТГУ им. Г.Р. Державина:

«Первые впечатления от встречи с С.Б. Прокудиным... До сих пор сохранилось ощущение невольного трепета перед Мэтром, перед его любовью к Отчизне, к отечественной словесности, к Пушкину... В памяти остались не методические приемы, используемые на лекциях, практических занятиях, экзаменах... О них мы узнавали позже, став сами учителями и преподавателями. Осталась атмосфера высокой духовности, творческой сопричастности к сокровищам национальной культуры, уважения к слову произнесенному и услышанному... Осталось в памяти уважение к тебе, робкому, начинающему, вступающему в профессию, желание помочь учиться оставаться самим собой, раскрывать заложенное в тебе от природы... Желание научить тебя любить Россию, свой народ, чтить национальные духовные и культурные традиции».

Н.Ю. Желтова, кандидат филологических наук, докторант кафедры истории русской литературы ТГУ им. Г.Р. Державина:

«Чтобы говорить о Станиславе Борисовиче Прокудине, нужно говорить словами высокой поэзии – эта истина открывается мне всякий раз, когда я пытаюсь выразить свое восхищение этим удивительным человеком. Хочется читать исключительно Пушкина, Лермонтова, Жуковского... И, видимо, это ощущение закономерно. Еще на подготовительных курсах в Тамбовский пединститут я впервые услышала лекцию Станислава Бо-

рисовича Прокудина о романе Пушкина «Евгений Онегин». Сказать, что она произвела на меня большое впечатление – это ничего не сказать. Я была поражена умением Станислава Борисовича так высоко и изящно, и вместе с тем так ясно и просто, передать величайший дух русского романа, не нарушив и грубо не тронув ни одной нити его блистательного полотна. На глазах по-новому оживали знакомые строки, наполняясь великим философским и жизненным смыслом. Помню свою обиду на то, что школьные учебники не написаны таким языком, на котором читал лекцию Станислав Борисович. Позднее, уже в институте, мы всем курсом каждый раз с нетерпением ждали появления за кафедрой этого высокого, всегда подчеркнуто строго и элегантно одетого человека, с добрыми вдохновенными глазами под линзами очков. Он являлся для нас олицетворением облика самой русской классической литературы. Мы ловили каждый взгляд, каждое движение Станислава Борисовича и боялись упустить хоть одно слово, которое в его устах всегда было исполнено настоящего глубинного смысла.

На мой взгляд, как ученый и как преподаватель, Станислав Борисович обладал редким достоинством, суть которого заключается в умении освобождать от штампообразных наслоений прошлого шедевры русской классики, давать им возможность жить и полноценно «дышать» в условиях настоящего, пробуждая мысль, волнуя души, пленяя сердца, воспитывая чувства... Профессор Прокудин научил меня и тысячи таких же, как я, своих учеников *любить* русскую литературу и испытывать чувство национальной гордости за великий русский язык и великое духовное наследие России.

С.В. Федотова, кандидат филологических наук, доцент кафедры дисциплин гуманитарного цикла ТОИПКРО:

«Станислав Борисович читал у нас лекции по русской литературе XIX века. Его стиль отличался каким-то уютным, домашним академизмом.

Он привычно облакачивался на трибуну и красивым глубоким голосом начинал: «Итак, ребята, сцена пятая, «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», является центральной в «Борисе Годунове». И мы, замороженные виртуозным анализом, становились незри-

мыми свидетелями происходящего. И это к нам были обращены «правдивые сказания» отца Пимена, написанные с одной целью:

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

Духовная мудрость Пушкина была нам, студентам 3 курса, явно не по росту. Для Станислава Борисовича же, как мне тогда виделось, Пушкин приоткрыл свою сокровищницу только со стороны нравственно-философского, общечеловеческого, национального и поэтико-стилистического своеобразия. По крайней мере, на лекциях и в частных беседах, насколько я помню, Станислав Борисович достаточно сдержанно относился к религиозной составляющей творчества великого русского поэта. А мне уже тогда хотелось понять, почему все-таки «Пушкин – наше все», и что мы, «потомки православных», должны услышать в словах всенародного гения земли русской.

Станислав Борисович, видя мою прыть, предложил мне курсовую работу по литературе XIX века. Но тему я выбрала не по Пушкину, а по Достоевскому, руководствуясь не только любовью к последнему, но и достаточно смутным тогда убеждением, что через Достоевского *проще* придти к Пушкину. К сожалению, курсовая работа так и не была написана. Под руководством Станислава Борисовича я с увлечением начала собирать материал по истории вопроса в советском и зарубежном литературоведении, но постепенно сконцентрировалась на изучении только одного аспекта: Достоевский глазами русских религиозных философов «серебряного века». Вероятно, Станиславу Борисовичу мое самоуправство пришлось не совсем по душе. И хотя в целом он одобрил мой доклад по разрабатываемой теме на студенческой конференции, он тут же во всеуслышание объявил, что его доля в работе незначительная, что студентка все делала самостоятельно, а посему чужие лавры пожинать недостойно и от дальнейшего руководства он отказывается.

Милый Станислав Борисович, вспоминая все это не с обидой, а с благодарностью и глубоким уважением. Как это было по-пушкински: «Хвалу и клевету приемли рав-

нодушно / И не оспаривай глупца». Глупцом, конечно, была я, с неопитской пылкостью стремящаяся обратить всех в свою веру. Но, как известно, в жизни нет *ничего* случайного. С той несостоявшейся курсовой стала постепенно складываться у меня своя концепция, в которой литература, философия и религия были взаимно обусловлены и неразрывно связаны. Дипломная работа и диссертация были посвящены творчеству Вячеслава Иванова, поэта, религиозного мыслителя, литературного критика, одним из первых в XX веке переоткрывшего Достоевского, Тютчева, Пушкина.

Со Станиславом Борисовичем мы иногда общались, обменивались книгами. Помню, он одобрительно отозвался об интереснейшей работе протоиерея В. Зеньковского о Гоголе, которую я ему приносила. Мне показалось, что концепция православного философа и богослова вызвала серьезный отклик в душе Станислава Борисовича, хотя смею ли я судить об этом...

Следующая наша встреча произошла на IV Питиримовских чтениях, где Станислав Борисович выступал с очень обстоятельным докладом по творчеству Пушкина. Национальное своеобразие поэта докладчик связывал с христианской духовностью, проявляющейся в нравственных идеалах и практическом обустройстве жизни героев. Но, насколько я поняла, моральные и социально-бытовые аспекты выдвигались все-таки на первый план, что подкрепилось и легкой антиклерикальной иронией Станислава Борисовича, высказанной в частной беседе.

Прошло несколько лет. Мне пришлось как-то выступить с лекцией «Литература как выражение духовной жизни народа», которая вызвала неприятие со стороны моего начальства. Эта лекция была плодом моих долгих размышлений, «спровоцированных» давней работой по Достоевскому. И теперь, удивленная и смущенная непониманием, но не переубежденная в правомерности основного тезиса лекции, я позвонила Станиславу Борисовичу, которого уже давно не видела: «Помните?». – «Ну, конечно, Светлана...» И слыша его спокойный, доброжелательный голос, я, волнуясь, представила на его суд основной ход своей мысли.

Своеобразие русской литературы заключается в православном типе духовности ее создателей. Особенно ярко это проявляется в древнерусской литературе. С XVIII века в

Россию заносятся западные идеи Просвещения, выражающие деистическое, протестантское и в пределе атеистическое мировосприятие. Духовное тело России (в ее культурной прослойке) начинает болеть, что особенно заметно в идейной борьбе западников и славянофилов в XIX веке. Все XX столетие – антиправославное и, вообще, антихристианское по магистральной линии своего развития. В таком контексте понятно, в частности, почему именно Пушкин – «наше все». Он на своем личном опыте пережил увлечение западными веяниями и осознанно попытался вернуться к основному стволу русской духовности – Православию (о чем свидетельствуют «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Маленькие трагедии», «Капитанская дочка», стихотворения последних лет жизни). Тем самым Пушкин не только пророчески предугадал духовные падения русского человека («Мы все глядим в Наполеоны...»), но и показал путь спасения («Отцы пустынноики и жены непорочны...»). А главное – он оставил свой завет русской литературе: «Велению Божию, о муза, будь послушна», который, к сожалению, был услышан и понят далеко не всеми русскими художниками.

На мой сумбурный монолог, с не Бог весть какими открытиями, Станислав Борисович со своей неповторимой интонацией ответил: «Не волнуйтесь, Светлана. Вы совершенно правы. Отстаивайте вашу точку зрения до конца». Из этих слов, проливающих бальзам на душу, можно заключить, что Пушкин раскрылся моему неянвному учителю до конца, и что мы со Станиславом Борисовичем, идя разными путями, подошли к одному и тому же...».

Н.В. Сорокина, кандидат филологических наук, докторант кафедры истории русской литературы ТГУ им. Г.Р. Державина:

«Помню первую лекцию Станислава Борисовича по творчеству Пушкина, которую он начал, процитировав своим изумительно завораживающим голосом слова В.О. Ключевского: «О Пушкине хочется сказать слишком много, всегда наговоришь много лишнего и никогда не скажешь всего, что следует». Так и о самом Станиславе Борисовиче: душа, кажется, переполнена чувствами, но язык их не в силах выразить, «невыразимое подвластно ль выраженью»?

Под руководством Станислава Борисовича была пройдена хорошая научная школа. Сначала курсовая работа, выступление на конференции, затем дипломное сочинение «Образ юности в творчестве А.С. Пушкина». А потом, в годы моей аспирантуры, мы вместе взбирались к вершинам леоновской «Пирамиды». С.Б. Прокудин защищал кандидатскую диссертацию по творчеству Л.М. Леонова, был лично знаком с писателем. И вот («странное сближение?»), спустя сорок лет после своей защиты, являясь ведущим специалистом по литературе первой половины XIX века, Станислав Борисович руководил написанием работы тоже по Леонову. «Это не было чудом, ни даже удивительным совпадением», – как сказал Л.М. Леонов, описывая встречу опытного, мудрого Ивана Вихрова с начинающим свой путь и являющимся одновременно продолжателем вихровской деятельности Калинкой. Думаю, что и наше со Станиславом Борисовичем сотрудничество не было простой случайностью. Литературные интересы совпали, Пушкин и Леонов явились нравственным и литературоведческим ориентирами.

Станислав Борисович, много лет читающий лекции по одному периоду литературного развития России, никогда не останавливался в своих научных поисках, постоянно совершенствовал материал лекций. Помню, как именно на нашем втором курсе он впервые сообщил об одном интересном наблюдении, мимо которого прошли многие пушкинисты: оказывается, в пушкинской рукописи заключительной главы «Евгения Онегина» слова Идеал, Рок, Жизнь были написаны с прописной буквы, что говорит о совершенно ином, более глубоком смысле фраз, о стремлении Пушкина подчеркнуть это для читателя.

О профессоре Прокудине можно, слегка перефразировав, сказать словами Вихрова из леоновского «Русского леса»: «Литература для него не профессия, а призвание: от души никуда не сбежишь». Любовь к литературе и преподавательской деятельности у Станислава Борисовича очень велика. Занятия по основным темам историко-литературного курса подают пример вдумчивого чтения, ответственности за каждое произнесенное и написанное слово, корректной полемики, уважительного отношения к каждому. В его манере общаться никогда не видно высокомерия и подчеркивания своего превосходства, это какая-то удивительная мудрая про-

стота. Его занятия воспитывают не только литературный вкус, но и формируют гражданскую позицию, «самостоянье человека». Думаю, не случайно, им создан спецкурс «История России в произведениях А.С. Пушкина».

Хочется ещё раз сказать Станиславу Борисовичу слова благодарности и признательности за поддержку и доброжелательность, профессиональные уроки мастерства и мудрые советы:

Да разве сердце позабудет,
Того, кто хочет нам добра,
Того, кто нас выводит в люди,
Кто нас выводит в мастера».

Н.Л. Потанина, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории зарубежной литературы ТГУ им. Г.Р. Державина, заместитель директора института филологии и журналистики по научной работе и международным связям:

«Первый раз я увидела Станислава Борисовича Прокудина в институтском коридоре, недалеко от его, тогда проректорского, кабинета. Улыбающийся и энергичный, с южным загаром на умном волевом лице, он вполне соответствовал характеристике, данной ему, как я слышала, в студенческие годы:

Стяжатель громких слав –
Прокудин Станислав!

Вторая встреча была уже в институтской аудитории, где я, не избежав общей студенческой участи, сразу и навсегда подпала под обаяние его одаренности, его высокого профессионализма. А потом встреч было много. Интереснейшие лекции и семинары. Знаменитый литературный кружок, из которого вышли многие наши сегодняшние кандидаты и доктора наук. Поэтические вечера, всегда проходившие при большом стечении студенческого народа. Но об этом расскажут многие. Мне же хочется рассказать здесь о другом.

Помню как сейчас это далекое летнее утро. Мы выехали из Владикавказа (тогда Орджоникидзе) очень рано, чтобы миновать самые трудные участки Военно-Грузинской дороги, пока еще невелик поток автомашин. Белый «Москвич» Станислава Борисовича – бывалого путешественника и классного водителя – шел первым. Время от времени мы останавливались: то, чтобы попить воды из хрустально чистого горного ключа, то – что-

бы взглянуть на показанный нам Станиславом Борисовичем эдельвейс — бледно-оранжевый цветок, неуверенно подставлявший скудному свету ущелья свои слабые лепестки. Дарьял был окутан сизой утренней дымкой. Внизу ворчал по камням поразительный в своей реальности Терек, полностью подтверждая лермонтовское:

В глубокой теснине Дарьяла,
где роется Терек во мгле...

Станислав Борисович был очень органичен в этой поэтической атмосфере. Все показывал и обо всем рассказывал так, как будто бывал здесь не только в годы своей студенческой юности, но и во времена пушкинского, лермонтовского, ермоловского Кавказа.

Главным пунктом путешествия был Крестовый перевал, отмеченный знаменитым Ермоловским крестом. В наши дни автомобильное шоссе прошло несколько ниже. Поэтому, чтобы увидеть крест, необходимо сойти с шоссе и подняться на гору Крестовую — самую высокую точку старой Военно-Грузинской дороги. Ее-то и венчает Ермоловский крест — знак славы русского оружия и державного величия России.

Склон горы крут. И подъем был нелегок. Станислав Борисович бодро шагал впереди, а спутники карабкались за ним, едва-едва поспевая. Вершина горы открылась неожиданно — простая и величественная в своей древней красоте. У подножия Ермоловского креста росли жесткие горные травы. А сама исполинская каменная вертикаль была расколота надвое. И крест, раньше гордо высившийся над кавказским хребтом, теперь был наклонно прислонен к своему основанию. Но основание держалось крепко. Казалось, оно срослось с этой скудной землей, пропиталось ее соками и сроднилось с ветрами горных вершин. Нужно было видеть, как смотрел на этот крест Станислав Борисович. Как ходил он вокруг него и все повторял, что недавно — да-да, совсем недавно — крест еще был цел и ничто не предвещало разлома.

Крест, однако, хранил величие и в своем нынешнем положении. Его седой, ставший от времени ноздреватым камень был одного цвета с окрестными скалами. Горная повилка, казалось, старалась повторить орнамент, украшавший его лицевую плоскость. Мир вокруг дышал спокойствием.

Сообщилось ли оно Станиславу Борисовичу? Кажется, он все-таки был огорчен. Тем ли, что не смог показать нам Ермоловский

крест во всем его величии? Или чем-то еще, что не дано было понять мне, девятнадцатилетней девочке? Я-то была счастлива. Увидела Ермоловский крест. Попыталась даже представить, каким он был ТОГДА. И будто удалось. Да и как могло быть иначе — Станислав Борисович рядом: рассказывает, показывает, вспоминает литературные шутки пушкинских времен. Читает знаменитые строки, которые здесь наполняются особым смыслом. Звучат знакомо и — волнующе незнакомо.

Много позднее, уже из другого времени, слушая спецкурс С.Б. Прокудина «История России в поэзии Пушкина», я, кажется, поняла, как больно ранило Станислава Борисовича зрелище этого полуповерженного символа России.

Дарьяльское ущелье почти лишено ярких красок. Все оттенки серого: от сизого и пепельного до розовато-жемчужного. Здесь столько знаменитых мест, знаменитых названий. И при этом как все спокойно и просто. Не знаю, имею ли я право на подобное предположение, но кажется, что спокойное достоинство, несуетность профессора Прокудина чем-то сродни неяркой красоте Дарьяла, его чуть мрачноватому величию. Не случайно он так любит Кавказ. Помню еще, с каким восхищением говорил Станислав Борисович о своем путешествии по Армении, о фантастической — и при этом суровой — красоте ее природы.

Но вот вновь, выйдя из машины, Станислав Борисович показывает рукой куда-то вверх. Там, высоко-высоко, чернеют на фоне индигового неба острые кровли какого-то строения. Монастырь на Казбеке — вот что это такое! Тот самый, который видел Пушкин и о котором сказал:

Твой монастырь под облаками,
Как в небе реющий ковчег.

Теперь эта картина — крохотный ковчег монастыря на самой вершине исполинской горы — навсегда связана для меня со Станиславом Борисовичем. Он подарил мне пушкинский Кавказ. Да разве только Кавказ!

Станислав Борисович Прокудин во многом определил мою профессиональную судьбу, дал образец высокого уважения к профессии, помог ощутить поэзию научно-исследовательского труда».

Составитель Н.В. Сорокина, кандидат филологических наук, докторант кафедры истории русской литературы